

В. В. Катермина, М. В. Балаева

**ВЕРБАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА «ЗАЩИТА»
В РОМАНЕ МАРГАРЕТ ЭТВУД «СЛЕПОЙ УБИЙЦА»**

Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

Аннотация. Статья посвящена изучению вербализации концепта «защита» в романе Маргарет Этвуд «Слепой убийца». В данной работе отмечается возрастающая значимость изучения взаимосвязи языка и культуры, обусловленная глобализацией и расширением межкультурных отношений. По мнению исследователей, основным средством фиксации культурно значимых явлений в языковых элементах является концепт, выступающий в роли основной единицы лингвокультурологии. В статье описываются различные подходы к определению исследуемого понятия и признаки, дифференцирующие концепты когнитивные и лингвокультурные, главным из которых считается коллективный характер последних. В данной работе также приводится описание четырехкомпонентной процедуры концептуального анализа, разработанного В. И. Карасиком; рассматриваются способы манифестации концепта и его классификации, реализуемой на базе семи взаимодополняющих подходов. Помимо концептов когнитивных и лингвокультурных, А. В. Миллер выделяет концепт художественный со сложным ментальным образованием, принадлежащим не только индивидуальному сознанию, но и психоментальной сфере определенного этнокультурного сообщества. Проведенный концептуальный анализ материала исследования позволил сделать вывод, что основными средствами вербализации концепта «защита» в романе Маргарет Этвуд являются прямое номинирование и использование лексических единиц, выражающих родственные идеи и содержащих в семантической структуре семемы «защита».

Ключевые слова: *художественный текст, языковая картина мира, концепт, вербализация, актуализация*

V. V. Katermina, M. V. Balaeva

**VERBALISATION OF THE CONCEPT “PROTECTION”
IN MARGARET ATWOOD’S NOVEL “THE BLIND ASSASSIN”**

Kuban State University, Krasnodar, Russia

Abstract. The article is devoted to the study of the verbalization of the concept “protection” in Margaret Atwood’s novel “The Blind Assassin”. The article notes the increasing importance of studying the correlation between language and culture, due to globalization and the expansion of intercultural relations. According to the researchers, the main means of anchoring of culturally significant phenomena in linguistic elements is a concept that acts as the main unit of cultural linguistics. The article describes various approaches to the definition of the concept under study, and features differentiating cognitive and cultural linguistic concepts, the main of which is the collective nature of the latter. This paper also describes the four-component procedure of conceptual analysis developed by V.I. Karasik, the ways of manifestation of a concept and its classification, implemented on the basis of seven complementary approaches. In addition to cognitive and linguocultural concepts the researchers also distinguish literary concepts defining them as “a complex mental formation belonging not only to individual consciousness, but also to the psychomental sphere of a certain ethno-cultural community.” The conducted conceptual analysis of the research material allowed us to conclude that the main means of verbalization of the concept “protection” in Margaret Atwood’s novel are the direct nomination and use of lexical units expressing related ideas and containing in their semantic structure the sememe “protection”.

Keywords: *literary text, linguistic world-image, concept, verbalization, actualization*

Введение. Настоящая статья посвящена изучению актуализации концепта «защита» в романе Маргарет Этвуд «Слепой убийца».

Цель работы – провести концептуальный анализ понятия «защита» и определить способы вербализации концепта «защита» в романе М. Этвуд «Слепой убийца».

В условиях глобализации и стремительно расширяющихся межкультурных отношений изучение взаимосвязи языка и культуры (лингвокультурология) приобретает особую значимость. Лингвокультурология нацелена на определение ключевых моментов соотношения языка, сознания и ценностей, выявление отражения коллективного опыта этноса в языке как вместилище народной памяти. В рамках культурологии язык рассматривается как:

- компонент коммуникативной деятельности;
- инструмент «фиксации социальных отношений»;
- часть культуры.

Основной категорией лингвокультурологии является картина мира (сложная система образов, отражающих действительность в коллективном сознании), главными составляющими которой выступают образы и понятия. Под образами принято понимать картины, сформировавшиеся в сознании, любые перцептивные, объективно существующие или придуманные психические образования. Выделяются четкие и размытые образы. Понятия определяются как логически оформленные мысли о классах предметов и явлений. Основными характеристиками понятий являются объем и содержание. Объем – это отраженное в сознании множество предметов, представляющих данное понятие. Под содержанием понятия подразумевают отраженную в сознании совокупность свойств и признаков предметов. Таким образом, можно сделать вывод, что картина мира – это совокупность объективных и иррациональных представлений об окружающей человека действительности, выступающих в качестве результатов его познавательной деятельности [2].

Актуальность исследуемой проблемы. Концепт, как лингвокультурный, так и художественный, является неотъемлемой частью языковой и художественной картины мира. Художественное произведение представляет собой отражение не только индивидуально-авторского сознания, но и всего общества, продуктом культуры которого оно является, что позволяет говорить об авторской и национальной концептосферах, отраженных в художественных текстах. Именно поэтому изучение текстов современного литературного процесса и их концептуального содержания является богатым источником информации о состоянии современного общества и особенностях художественной литературы.

Материал и методы исследования. В качестве материала для исследования был выбран роман современной англоязычной писательницы Маргарет Этвуд «Слепой убийца». В работе использовались такие методы и приемы исследования, как метод сплошной выборки, метод контекстного анализа, позволяющий обнаружить лексемы, приобретающие в тексте новые значения, метод лингвистического анализа для определения обоснованности выбора языковых единиц и их значений при интерпретации, метод семантико-когнитивного анализа, позволяющий изучить семантическую структуру исследуемых языковых единиц, концептуальный анализ.

Результаты исследования и их обсуждение. В рамках культурологического направления лингвистики было проведено большое количество исследований, посвященных изучению «фиксации» культурно значимых явлений и элементов в языковых единицах. В подобного рода исследованиях изучаемый язык сопоставляется и сравнивается с другими языками на предмет наличия фактов действительности, присущих только одной культуре (лакун).

Национально-культурная специфика также находит отражение в основной единице лингвокультурологии – концепте – «многомерном смысловом образовании, в котором выделяются ценностная, образная и понятийные стороны» [2, с. 91].

Данное понятие входит в терминологический корпус многих лингвистических дисциплин, в каждой из которых он имеет определенные характеристики, обусловленные их спецификой. Так, в лингвокогнитивистике под концептом понимается «единица ментальных или психических ресурсов нашего сознания той или иной информационной структуры, которая отражает знания и опыт человека» [6, с. 90]. Психолингвисты определяют данный термин как «спонтанно функционирующее в познавательной деятельности индивида базовое перцептивно-когнитивно-аффективное образование динамического характера, подчиняющееся закономерностям психической жизни человека» [1, с. 39].

А. Соломоник предлагает следующее определение концепта: «абстрактное научное понятие, выработанное на базе конкретного житейского понятия» [8, с. 246].

В лингвокультурологии концепт считается базовой единицей культуры, концентрирующей в себе ее основные компоненты. Подобный статус, по Ю. С. Степанову, был присвоен концепту благодаря его структуре, включающей этимологию, ассоциативное поле, оценочную окраску, исторический опыт соответствующего этноса. Ученый определяет данный термин как «идею, включающую не только абстрактные, но и конкретно-ассоциативные и эмоционально-оценочные признаки» [2].

По В. И. Карасику, концепты – это типизируемые фрагменты человеческого опыта, содержащие стереотипизированные представления о мире вокруг и происходящих в нем явлениях. В концептах закрепляются важные, пережитые поколениями элементы народного опыта, закрепленные в индивидуальном и коллективном сознании. Их характеристику, согласно мнению ученого, составляют образно-перцептивная, понятийная и ценностная стороны концепта [2, с. 24].

Таким образом, основным отличием когнитивных концептов от концептов лингвокультурных является тот факт, что первые представляют собой индивидуальные ментальные образования-результаты осмысления окружающей действительности, в то время как последние – образования коллективные, являющиеся отражением особенностей соответствующей культуры.

По В. И. Карасику, именно наличие имен-концептов и неравномерная концептуализация разных фрагментов действительности в зависимости от их важности для существования данного этноса являются одними из основных онтологических характеристик языковой картины мира [2].

Согласно ученому, наличие имен-концептов возможно, если концептуализируемый фрагмент бытия осмысливается в языковом сознании и получает выражение в системе языка – «однословное выражение». Сам процесс концептуализации можно разложить на три компонента: обозначение, выражение, описание [2].

Обозначение – выделение актуального, значимого для соответствующего лингвокультурного фрагмента «осмысливаемой действительности» и присвоение ему специального знака.

Выражение – совокупность языковых и неязыковых средств, используемых для прямых или косвенных иллюстраций, уточнения и развития содержания описываемого концепта. Важно, что выражение концепта может происходить без специального (словесного) обозначения, но с помощью средств, косвенно отсылающих к осмысливаемому понятию. Возможны также случаи отсутствия однословного выражения того или иного концепта в языковой системе соответствующего этноса, но при этом концепт все равно существует в коллективном сознании народа и выражается с помощью совокупности разных языковых средств.

Описание заключается в специальных исследовательских процедурах толкования имени и ближайших обозначений исследуемого концепта. Описание, по В. И. Карасику, включает четыре компонента:

- дефинирование;
- контекстуальный анализ;
- этимологический анализ;
- паремиологический анализ [2].

Неравномерность концептуализации манифестируется в номинативной плотности, заключающейся в количественном превосходстве концептуализированных и объективизированных с помощью однословных наименований явлений над другими явлениями, обозначающимися общим, «недифференцированным знаком». Лексические и фразеологические выражения соответствующих концептов образуют систему, между элементами которой формируются системные отношения уточнения, сходства и различия [2, с. 93]. Номинативную плотность можно также определить как детализацию обозначаемого фрагмента реальности, множественное вариативное обозначение и сложные смысловые оттенки обозначаемого. Таким образом, номинативная плотность выступает в роли важнейшего объективного показателя актуальности той или иной сферы деятельности для конкретного сообщества. Одним из показателей номинативной плотности является наличие однословного обозначения того или иного концепта в одном языке и его отсутствие в другом [2].

Так как концепт является продуктом познавательной деятельности, выделение основных признаков того или иного концепта может вызвать некоторые трудности, такие как неоднозначность или неопределенность, ввиду «различной практики освоения действительности» разных носителей языка и отдельных социальных групп.

Что касается квалификации концептов, она объясняется культурными доминантами поведения, исторически сложившимися и закрепленными ценностными ориентирами, присущими той или иной культуре [2].

Стоит также помнить об ориентированности определенного концепта на ту или иную сферу общения, что зависит от того, к какому регистру общения относится то или иное смысловое образование [2].

Количественный и комбинаторный выбор признаков при концептуализации мира обуславливает различия между культурами и основывается на исторических, психологических и философских особенностях того или иного народа.

При анализе концептов также важно изучение их ассоциативного поля, что определяет важность процесса экземплификации (конкретизации), заключающегося в том, какие конкретные явления и предметы являются первостепенными ассоциациями, фиксируемыми в языке для обозначения в переносном смысле более абстрактной вещи [2]. Обычно это явления и вещи, с которыми люди чаще всего сталкиваются в повседневной жизни. Данная особенность также отражает лингвокультурную специфику концептов. Еще одним ее проявлением является упомянутый ранее процесс квалификации – выведения определенных качеств и характеристик, метафорически выражаемых определенным понятием/концептом.

Классификация концептов представляет собой достаточно сложную задачу ввиду их высокой динамичности, размытости и противоречивости смыслов. Существует несколько подходов к изучению данного вопроса. В работе «Языковые ключи» В. И. Карасик говорит о семи взаимодополняющих подходах. В рамках подхода, в основе которого лежат знаменательные части речи, выделяют предметные, признаковые и событийные концепты. Классификация по подходу, ориентированному на когнитивную психологию, включает картинки, карты, сценарии, фреймы и гештальты. При подходе, ассоциируемом с этическими и эстетическими категориями, выделяют телесные (относящиеся к высшим

ценностям) и нетеленомные (которые, в свою очередь, подразделяются на регулятивные и нерегулятивные) концепты. Четвертый подход основан на типе дискурса, в котором реализуется тот или иной подход. Здесь выделяют: а) повседневные и художественные концепты лично ориентированного дискурса; б) институциональные (политические, научные, спортивные и др.) концепты. По степени стабильности различают относительно стабильные и меняющиеся (уходящие и возникающие) концепты. Основываясь на круге лиц, использующих те или иные группы концептов и разделяющих различный опыт с его оценочной квалификацией, выделяют общечеловеческие, цивилизационные, этнокультурные, макрогрупповые, микрогрупповые и индивидуальные концепты. В рамках седьмого подхода классификация концептов производится на основании их тематической принадлежности. Выделяют эмоциональные, коммуникативные, гастрономические и другие концепты [3].

Говоря о типологии концептов, И. В. Карасик рассматривает параметрические и непараметрические ментальные образования [3, с. 29]. К параметрическим концептам ученый относит пространство, время, количество, качество и т. д. – все то, что может выступать в роли оснований для классификации и сопоставления объектов реального мира. Подобные концепты обладают универсальной природой. Их ценностный компонент может быть выведен лишь дедуктивно из дискурса. Непараметрические концепты отличаются предметным содержанием и могут быть разделены на регулятивные (с центральным ценностным компонентом, конституирующим оценочный кодекс соответствующей культуры) и нерегулятивные (синкретические концепты различного характера) [3].

При дальнейшем рассмотрении концепты-регулятивы распадаются на этноспецифические, социоспецифические и индивидуальные в соответствии с тремя типами ценностей, лежащими в их основе [3].

В зависимости от языковых средств репрезентации концепты подразделяют на предметные, сценарные и качественные. Основанная на степени абстрактности классификация включает конкретные картинки и обобщенные мыслимые заместители множества более частных и конкретных образов [6].

Важнейшей дискурсивной характеристикой концептов является транслируемость (переход концепта между участниками коммуникативного акта или процесс перехода концепта из одной культуры в другую). На основании данного признака выделяют активно (архитипические, основанные на системе установок и поведенческих реакций) и пассивно транслируемые, модифицируемые и немодифицируемые, переводимые и непере-водимые в иные формы концепты [3].

В современной науке о языке большое внимание уделяется исследованию не только национально-культурной специфики и языковой картины мира отдельного этноса, но и изучению индивидуально-авторской картины мира в художественных произведениях, так как текст можно рассматривать как один из возможных способов объективации сознания или индивидуально-авторской картины мира [4, с. 8]. С этих позиций можно как раз говорить о концепте как «глубинном смысле, изначально максимально и абсолютно свернутой смысловой структуре текста, являющейся воплощением мотива, интенций автора, приведших к порождению текста» [5, с. 92] и образующих художественную картину мира. Этот концепт можно назвать художественным, авторским или «текстовым».

Л. В. Миллер определяет художественный концепт как «сложное ментальное образование, принадлежащее не только индивидуальному сознанию, но и (в качестве интенциональной составляющей эстетического опыта) психоментальной сфере определенного этнокультурного сообщества», как «универсальный художественный опыт, зафиксированный в культурной памяти и способный выступать в качестве фермента и строительного материала, при формировании новых художественных смыслов» [7, с. 42].

Таким образом, можно сделать вывод, что художественный концепт, отражающий картину мира автора как представителя того или иного этноса, выступает в роли ключа к характеристике всего этнокультурного сообщества, что обуславливает важность изучения современных художественных произведений в рамках концептуального анализа.

Ярким примером произведения современного литературного процесса является роман Маргарет Этвуд «Слепой убийца», сочетающий в себе достоинства высокохудожественной интеллектуальной прозы: многослойное повествование, мастерски выстроенную многоуровневую интригу, неожиданную развязку, проработанные многогранные образы.

Мир, в котором разворачиваются события романа, поражен неравенством и угнетением: экономической эксплуатацией, разделением на социальные классы и сексизмом, которые существовали в небольших городах Канады в 1930–40-х годах, где разворачивается большая часть повествования романа. Жизнь Айрис и Лоры – главные примеры гендерного угнетения и их попыток противостоять общественным предубеждениям.

В центре повествования находится старшая сестра Айрис, заботящаяся о своей маленькой, мечтательной, безответственной сестре Лоре в отсутствие матери, а позже и отца. Их отношения подразумевают не только любовь и заботу, но и защиту от многочисленных опасностей, грозящих героиням каждую минуту. Идея защиты также напрямую связана с личностью Алекса, любой ценой готового защищать себя, свою жизнь и свои убеждения. Идея защиты красной нитью проходит по всему текстовому полотну, запечатлевающему жертв и защитников, слабых, обездоленных и сильных духом и телом.

Таким образом, можно говорить о сюжетобразующей важности концепта «защита» в романе «Слепой убийца». Русскому слову защита соответствует английское *“protection”*. В толковых словарях лексема *“protection”* определяется следующим образом:

- 1) *means or method of defending* [12];
- 2) *the act of protecting or state of being protected; the condition or state of being kept safe from injury, damage, or loss* [10];
- 3) *the act of protecting or the state of being protected; preservation from injury or harm; a thing, person, or group that protects* [11];
- 4) *the act of protecting or the condition of being protected something that protects* [11].

В английский язык анализируемое слово пришло в XIV веке из старофранцузского *proteccion* «защита, щит» (XII в.) и непосредственно от позднелатинского *protectionem* (номинативное *protectio*) «прикрытие», существительное действия от причастия прошедшего времени от *protegere* «защищать, покрывать спереди». В английском оно имело форму *proteccioun* и означало «укрытие, защита, то, что защищает от вреда или увечья; хранение, опека, действие или состояние защиты».

Из приведенных дефиниций очевидно, что анализируемая языковая единица означает акт или средства защиты или состояние нахождения под защитой. Внутренняя структура значения позволяет, помимо центральной семемы «безопасность», выделить такие компоненты значения, как «опасность» и «трудность». В определениях также присутствует идея какого-либо превосходства одного человека над другим, позволяющая защитить слабого и наказать виновного.

Английский словарь ассоциаций предлагает следующий ассоциативный ряд: *endangered, equal, environmental, adequate, vulnerable, substantive, violate, implore, enforce, amend, enact, ensure, provide, police, privacy, rights, safety, directive, armour, prevention, avert, save, resist, fight*. Из приведенного списка можно сделать вывод, что негативная оценочная характеристика исследуемого концепта превалирует над нейтральной или позитивной. Данный ассоциативный ряд также демонстрирует аксиологическую специфику англоговорящих наций, придающих большое значение личному пространству, гражданским правам и правовому регулированию в целом [13].

Что касается идиоматического анализа единиц с компонентом “*protect/protection*”, нами была обнаружена лишь одна паремиологическая единица: “*heaven protects children, sailors, and drunken men*”, демонстрирующая этимологически высокий статус защитника в глазах общества и божественное происхождение его роли.

Вербализация анализируемого концепта в английском языке возможна с помощью его однокоренных слов: *to protect, protected, protecting, unprotected*, а также с помощью лексем, входящих с ними в один синонимичный ряд: *cover (to protect someone against loss, damage, accident, or having something stolen, by having insurance), defend (to protect someone or something from attack or harm), fend (to keep or ward off), guard (to protect from danger especially by watchful attention)* [10]. Из приведенных дефиниций видно, что, несмотря на семантическую близость, значения лексем данного синонимического ряда имеют некоторые отличия, позволяющие более точно и детализированно донести необходимую идею.

Для анализа реализации концепта «защита» в романе Маргарет Этвуд «Слепой убийца» был отобран ряд цитат, содержащих приведенные выше примеры. Основной целью данного анализа является выявление средств вербализации исследуемого концепта, а также обнаружение наличия его особенностей, обусловленных историческими и национально-культурными факторами.

История двух сестер так или иначе основывается на множественных, пусть далеко не всегда успешных, попытках защитить друг друга и близких им людей. Отношения Айрис и Лоры всегда были достаточно сложными и натянутыми, но с самых первых дней жизни Лора стала для старшей сестры тем, что она безоговорочно должна была защитить. Будучи ребенком, она сама еще не осознавала возложенную на ее плечи ответственность, но подсознательно стремилась оградить малютку. Это отчетливо видно при описании одной из детских фотографий героини: “*There I sat on Mother's night table, in a silver frame, in a dark dress with a white lace collar, visible hand clutching the baby's crocheted white blanket in an awkward, ferocious grip, eyes accusing the camera or whoever was wielding it. Laura herself is almost out of sight, in this picture. Nothing can be seen of her but the top of her downy head, and one tiny hand, fingers curled around my thumb. Was I angry because I'd been told to hold the baby, or was I in fact defending it? Shielding it-reluctant to let it go?*” [9, p. 136]. Реализация концепта защиты в данном фрагменте возможна не только благодаря номинативным единицам, напрямую объективизирующим его содержательную сторону (*defending, shielding*), но также благодаря таким фразам, как “*hand clutching the baby's <...> blanket*”, “*ferocious grip*”, “*eyes accusing camera*”. Подобные выражения в совокупности с концептологическими лексемами создают яркую картину оборонительной позы, раскрывающей идею реализации роли старшей сестры и защитника. Нельзя не заметить очевидное распределение ролей и явное противопоставление двух сестер, вербализируемое при помощи контрастирующих атрибутивов и глагольных лексем “*dark, ferocious, clutching*” при описании Айрис и “*white, tiny, downy*” при изображении Лоры. Из приведенного описания и без того очевидное физическое и возрастное превосходство Айрис над ее маленькой сестрой становится более осязаемым и возвещает саму Айрис о ее новом пожизненном статусе.

Необходимость защиты Лоры была очевидна не только для Айрис: “*Reenie was furious. She hated anyone getting the jump on her in the gossip department. "We certainly thank you for informing us", she said with stiff politeness. "A stitch in time saves nine". This was her way of defending Laura's honour: nothing had happened, yet, that couldn't be forestalled*” [9, p. 276]. Прямая вербализация анализируемого концепта в данной цитате также осуществляется одноименной лексемой “*defending*”, предполагающей наличие атакующей стороны (*defend – resist an attack made on (someone or something)*), что, как и в предыдущем отрывке, вводит в текст идею оппозиции Лоры окружающему миру, представляющему для нее неотвратимую угрозу, являющемуся для нее безжалостным противником, удары которого

нужно постоянно отражать. В связи с этим автор вводит в текст лексему “*forestalled*” (*forestall – prevent or obstruct (an anticipated event or action) by taking advance action*) [11], также служащую раскрытию анализируемого концепта и иллюстрирующую конкретные направления предпринимаемых героями действий для реализации оборонительных мероприятий. В данном случае концепт «защита» также помогает раскрыть мудрость описываемой женщины, которая, ввиду собственного возраста, способна не просто стоять на страже в ожидании атаки, но может предвидеть возможные выпады и предотвратить их, вместо того чтобы вступать в открытое столкновение, что нехарактерно для Айрис-ребенка, смутно осознающего суть происходящего и вцепившегося в младшую сестру, по большей части инстинктивно.

Даже после смерти Лоры Айрис продолжает ощущать ношу ответственности за младшую сестру и ее наследие, которая, гиперболизировавшись, «обволакивается» фантазмагорическими образами: “*They must think of me as a fusty old dragon crouched on an ill-gotten hoard-some gaunt dog-in-the-manger, some desiccated, censorious wardress, a prim-lipped keeper of the keys, guarding the dungeon in which starved Laura is chained to the wall*” [9, p. 376]. Данный отрывок показывает, что с возрастом, упустив возможность спасти сестру, Айрис пыталась сохранить то малое, что осталось от Лоры, и никогда не показывать это враждебному миру, чтобы как можно дольше защищать ее репутацию. Однако, осознавая возможную абсурдность подобной «жадности», героиня сравнивает себя с драконом, охраняющим сокровища, которые, по сути, никогда ему не пригодятся. Помимо мифологического и широко распространенного образа дракона, символизирующего хранителя и защитника богатств и потому являющегося образным воплощением концепта защиты, Маргарет Этвуд также вербализирует изучаемое мыслительное образование при помощи лексем “*guarding*”, “*keeper*”, в своей семантической структуре содержащих семемы «защита». Однако в приведенном контексте в сочетании со словом “*wardress*” данные языковые единицы иллюстрируют сдвиг основного значения и проявляют вторичную семантику, искажающую концепт защиты как чего-то положительного, как это было в предыдущих цитатах, и наделяя его новыми оттенками: *wardress – a woman who works in a prison supervising the prisoners, guarding – watching someone and make certain they do not escape from a place, keeper – someone responsible for guarding or taking care of a person, animal, or thing* [10]. Из приведенных дефиниций становится ясно, что после смерти Лоры распределение ролей словно сдвинулось и теперь Айрис видит в объекте своего попечительства нечто опасное, вредоносное, незаконное, от чего нужно уберечь мир. В то же время образ дракона говорит о ценностной составляющей охраняемых ею вещей для нее самой. Т. е. в данном случае можно говорить об изменении ценностной и оценочной составляющих анализируемого концепта.

Еще одним важным сюжетобразующим эпизодом данного романа, вербализирующим концепт «защита», является описание фотокарточки Алекса Томаса: “*He's smiling too-the whiteness of his teeth shows up like a scratched match flaring-but he's holding up his hand, as if to fend her off in play, or else to protect himself from the camera, from the person who must be there, taking the picture; or else to protect himself from those in the future who might be looking at him, who might be looking in at him through this square, lighted window of glazed paper. As if to protect himself from her. As if to protect her. In his outstretched, protecting hand there's the stub end of a cigarette*” [9, p. 198]. Повтор морфемы “*protect*” в словах “*to protect*”, “*protecting*” в совокупности с лексемой “*fend off*” служит, во-первых, реализации рассматриваемого концепта, во-вторых, предзнаменованию грядущих опасностей, как намек на то, что у героев нет шансов на счастливое будущее, намек на постоянную борьбу. Из данного отрывка мы видим, что вся жизнь героя, пусть и недолгая, была посвящена защите – защите своей собственной жизни, жизни своей возлюбленной, своей

страны, своих идей. Очевидно также противопоставление героя, его конфликт с обществом, конфликт с самим собой. Важно еще обратить внимание на тот факт, что приведенный отрывок является не первым описанием фотокарточки, реализующим концепт «защита». Можно предположить, что в фотокарточке автор видит способ защитить воспоминания от забвения, сохранить самые важные моменты в памяти, уберечь их от воздействия времени и иметь возможность возвращаться к ним снова и снова, возвращаться даже к тем людям, которых уже нет в живых. Айрис не удалось спасти и защитить Лору и Алекса, но она хотя бы смогла уберечь их в своей памяти и в изображениях фотопленки. Таким образом, фотографии в данном романе можно также отнести к косвенным средствам реализации концепта «защиты» и его расширения ввиду нетрадиционности и образности используемых автором средств.

Концепт «защита» неразрывно связан с темой войны: *“Behind the rocks, at ambush within the parched canyons, the defenders crouch”* [9, p. 125]. Данная цитата является одним из примеров его прямой номинативной вербализации в военном контексте, однако в тексте присутствует также большое количество косвенной реализации идеи защиты – защиты родины и мира в целом во время Первой мировой войны, защиты Испании во время гражданской войны и т. д. Здесь мы видим явное расширение круга участников концептуальной семантики. Объектом защиты является не один человек или предмет, а все человечество в целом, понятие мира как отсутствие войны, право всего человечества на безопасную, достойную и независимую жизнь.

Еще одним важным примером вербализации исследуемого концепта является следующая цитата: *“The old wish the young well, but they wish them ill also: they would like to eat them up, and absorb their vitality, and remain immortal themselves. Without the protection of sURLiness and levity, all children would be crushed by the past-the past of others, loaded onto their shoulders. Selfishness is their saving grace”* [9, p. 263]. В данном контексте реализация концепта «защита» осуществляется прямой номинацией (*protection*) и подкрепляется лексемой *“saving”*, которая интенсифицирует идею опасности и служит намеком на нечто смертельное, без чего само существование молодого поколения было бы поставлено под угрозу: *save – to stop someone or something from being killed, injured, or destroyed* [10]. В совокупности с лексемой *grace* анализируемая языковая единица образует идиоматическое выражение со следующим значением: *a good quality that something or someone has that stops it, him, or her from being completely bad*, изменяющим источник защиты с чего-то извне (как это было в рассмотренных ранее примерах) на нечто внутреннее, зависящее исключительно от самого человека. Данная цитата иллюстрирует конфликт поколений, изображая старое поколение как неминуемую угрозу молодому, которое в этой неравной борьбе может полагаться только на себя.

Выводы. На основе проведенного анализа можно сделать вывод, что в романе Маргарет Этвуд «Слепой убийца» концепт «защита» в основном сосредоточен вокруг одной из центральных героинь романа – Лоры. Будучи хрупкой, порой неприспособленной к жизни девушкой, Лора нуждается в постоянной опеке и защите со стороны своей старшей сестры. В тексте также присутствует идея защиты родины, собственной жизни и убеждений. Основными средствами вербализации анализируемого концепта являются прямое номинирование и использование лексических единиц, выражающих родственные идеи и содержащих в своей семантической структуре семему «защита». Особенностью актуализации данного концепта в анализируемом тексте можно назвать образную составляющую его манифестации в некоторых случаях.

Говоря о классификации рассматриваемого концепта, можно сделать вывод, что он является примером предметного (выраженного существительным), телесного и регулятивного (непосредственно иллюстрирующего аксиологическое содержание той или иной

картины мира) типов, а неизменная значимость и актуальность понятия «защита» позволяют говорить о его стабильности. Важно также отметить, что вербализация анализируемого концепта является отражением не только общечеловеческой картины мира, но и индивидуально-авторской, так как Маргарет Этвуд расширяет и изменяет компоненты концептуальной семантики, представляя читателю собственное видение описываемого понятия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Залевская А. А. Психолингвистический подход к проблеме концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 2001. – С. 36–44.
2. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М. : Гнозис, 2004. – 389 с.
3. Карасик В. И. Языковые ключи. – Волгоград : Парадигма, 2007. – 520 с.
4. Колишанский Г. В. Контекстная семантика. – М. : Наука, 1980. – 147 с.
5. Красных В. В. От концепта к тексту и обратно. К вопросу о психолингвистике текста // Вестник Московского университета. – Сер. 9 : Филология. – 1998. – № 1. – С. 53–70.
6. Кубрякова Е. С. Концепт // Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Л. Г. Лузина, Ю. Г. Панкрац. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1996. – С. 90–92.
7. Миллер Л. В. Лингвокогнитивные механизмы формирования художественной картины мира (на материале русской литературы) : автореф. дис. ... д-ра. филол. наук. – СПб., 2004. – 44 с.
8. Соломоник А. Семиотика и лингвистика. – М. : Молодая гвардия, 1995. – 352 с.
9. Atwood M. The Blind Assassin / Margaret Atwood. – N. Y. : Anchor, 2011. – 650 p.
10. Cambridge dictionary // Cambridge University Press [Электронный ресурс]. – URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru> (дата обращения : 20.10.2021).
11. Collins English Dictionary // William Collins Sons & Co [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.dictionary.com/browse> (дата обращения : 21.10.2021).
12. Dictionary by Merriam-Webster // Merriam-Webster, Inc. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary> (дата обращения : 28.10.2021).
13. Words Associations Network [Электронный ресурс]. – URL: <https://wordassociations.net/en> (дата обращения : 20.10.2021).

Статья поступила в редакцию 01.11.2021

REFERENCES

1. Zalevskaya A. A. Psiholingvisticheskiy podhod k probleme koncepta // Metodologicheskie problemy kognitivnoy lingvistiki. – Voronezh : Izd-vo Voronezh. un-ta, 2001. – S. 36–44.
2. Karasik V. I. Yazykovoy krug: lichnost', koncepty, diskurs. – M. : Gnozis, 2004. – 389 s.
3. Karasik V. I. Yazykovye klyuchi. – Volgograd : Paradigma, 2007. – 520 s.
4. Kolshanskiy G. V. Kontekstnaya semantika. – M. : Nauka, 1980. – 147 s.
5. Krasnyh V. V. Ot koncepta k tekstu i obratno. K voprosu o psiholingvistike teksta // Vestnik Moskovskogo universiteta. – Ser. 9 : Filologiya. – 1998. – № 1. – S. 53–70.
6. Kubryakova E. S. Koncept // Kratkij slovar' kognitivnyh terminov / E. S. Kubryakova, V. Z. Dem'yankov, L. G. Luzina, Yu. G. Pankrac. – M. : Izd-vo Mosk. un-ta, 1996. – S. 90–92.
7. Miller L. V. Lingvokognitivnye mekhanizmy formirovaniya hudozhestvennoj kartiny mira (na materiale russkoj literatury) : avtoref. dis. ... d-ra. filol. nauk. – SPb., 2004. – 44 s.
8. Solomonik A. Semiotika i lingvistika. – M. : Molodaya gvardiya, 1995. – 352 s.
9. Atwood M. The Blind Assassin / Margaret Atwood. – N. Y. : Anchor, 2011. – 650 p.
10. Cambridge dictionary // Cambridge University Press [Elektronnyj resurs]. – URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru> (data obrashcheniya : 20.10.2021).
11. Collins English Dictionary // William Collins Sons & Co [Elektronnyj resurs]. – URL: <https://www.dictionary.com/browse> (data obrashcheniya : 21.10.2021).
12. Dictionary by Merriam-Webster // Merriam-Webster, Inc. [Elektronnyj resurs]. – URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary> (data obrashcheniya : 28.10.2021).
13. Words Associations Network [Elektronnyj resurs]. – URL: <https://wordassociations.net/en> (data obrashcheniya : 20.10.2021).

The article was contributed on November 1, 2021

Сведения об авторах

Катермина Вероника Викторовна – доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии Кубанского государственного университета, г. Краснодар, Россия, <https://orcid.org/0000-0001-9141-9867>, veronika.katermina@yandex.ru

Балаева Мария Вадимовна – студентка второго курса магистратуры кафедры английской филологии Кубанского государственного университета, г. Краснодар, Россия, <https://orcid.org/0000-0002-5694-5957>, balaevaa89@gmail.com

Author information

Katermina, Veronika Viktorovna – Doctor of Philology, Professor of the Department of English Philology, Kuban State University, Krasnodar, Russia, <https://orcid.org/0000-0001-9141-9867>, veronika.katermina@yandex.ru

Balaeva, Maria Vadimovna – Second-year Master's Degree Student, Department of English Philology, Kuban State University, Krasnodar, Russia, <https://orcid.org/0000-0002-5694-5957>, balaevaa89@gmail.com